Е. Дальберг (Швеция)

НОВОЛАТИНСКАЯ ПОЭЗИЯ ШВЕЦИИ ПЕРИОДА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ СТИХОВ МАГНУСА РЁННОУ

1. История латыни в Швеции

История латинского языка в странах Балтийского региона складывалась по-разному. В этом сыграли свою роль культурные и религиозные особенности каждой из стран. В России, например, не испытавшей Ренессанса, традиция латинской литературы стала знакома благодаря приходу культуры барокко.[1] Большинство стран Балтики впитали в себя латинское наследие намного раньше. Что касается Скандинавии, то применение латыни в этом регионе связано с приходом христианства. В Швеции появление первых миссионеров относят к IX-му веку.[2] Литургическое использование латинского языка в течение многих веков оставалось основным: все священные тексты цитировались по-латыни.[3]

Важным посредником в распространении латыни являлась школа, где обучающиеся получали основательный базис знаний языка и культуры древних римлян, без чего нельзя было добиться каких-либо успехов ни в академической среде, ни в общественной деятельности.

Помимо клерикальной и педагогической областей латынь широко применялась в административной области, в особенности это касается вопросов политического характера. Дипломатические отношения в странах западной и центральной Европы требовали профессиольного владения латынью с её специальньми формулами, и Швеция, как никакая другая страна, была заинтересована в этом. В противном случае шведским дипломатам приходилось прибегать к немецкому или французскому языкам, что не способствовало повышению статуса шведского языка.[4]

С расширением зон применения латыни язык античного мира стал неотъемлемой частью жизни шведского общества. Как резонанс накопленных знаний об этом языке и опыта его широкого использования стала появляться оригинальная поэзия и проза на латинском. В XVII-ом веке охват этой новой литературы оказался настолько глобальным, что возникла определённая угроза развитию поэзии на шведском языке.[5] Но с начала XVIII-го века латинизация общества

уменьшается, и в итоге, угроза становится противоположной: стихотворство по-латыни к концу XVIII-го столетия теряет свою популярность и постепенно сходит на нет. В том же веке начинает появляться интерес к новолатинскому наследию: планируются издания национальных поэтов. Другие страны обратились к этому намного раньше.[6] Колоссальная работа по сбору шведской поэзии по-латыни была проведена Самуэлем Эльфом (1727—1799).[7] Со временем лектор Эльф собирался выпустить так называемые ***Deliciae Poetarum Svecorum***, но работа остановилась на уровне сбора материала.

За последние десятилетия вышло несколько научных трудов по новоолатинской поэзии Швеции. В основном, это комментированые издания произведений определённых авторов.[8] Самым крупным экспертом в данной области на сегодняшний день является профессор Ханс Хеландер. Его монография **”Neo-Latin Literature in Sweden in the period 1620—1720: Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas”** (Uppsala 2004) представляет из себя своеобразную энциклопедию новолатинской культуры рассматриваемого нами периода.

2. Новолатинская поэзия времён Северной войны

2.1. Тематика и основные черты стихов

Тематика и жанр поэзии на латинском были обусловлены нуждами двора и знати. Стихи писались, как правило, на случай. Этот тип стихотворства стал процветать в Швеции ещё в 1560-ых годах. Середина XVII-го века стала кульминационным периодом данного жанра.[9] Темы для латинских стихов были относительно ограничены. Основной продукт представляют из себя эпитафии и эпиталамии. Жанр поэзии на случай охватывает также панегирики, содержание которых варьировалось. Хвалебные вирши могли описывать коронацию короля, победу шведов в каком-либо сражении, разные события в знатных семьях страны, например, рождение ребёнка. Стихи могли писаться и на защиту диссертаций. Как будет видно из приведённых ниже биографий, поэты поднимают темы, напрямую связанные с королевским двором или академической средой, что объясняет возвышенность языка. Стиль барокко чувтвуется в каждой строке произведений поэтов описываемого нами периода. **Наличие античных богов** есть их необходимый элемент.[10] Кроме этого в стихах часто присутствуют **”готические”** настроения. Основная идея **Готицизма** состояла в том, что вся европейская культура зародилась в Скандинавии, а шведы были прямые потомки Иафета. Доказательства этого искались у античных авторов.[11]

Читатель должен был обладать не только хорошими знаниями мифологии древнего мира, но и ориентироваться в современной истории и географии. Множество имён известных и менее известных личностей, названия крупных городов, рек, а вместе с тем и небольших деревен и водоёмов получали латинизированные формы. Без соответсвующей эрудиции (***eruditio***) чтение новолатинского стиха было невозможным.[12] Это означает, что поэзия была рассчитана на элитный круг читателей и издавалась в ограниченном количестве. 100 экземляров было средним числом изданий. Многие поэтические произведения оставались лишь в рукописном варианте.[13]

Шведские поэты пытались подражать, в первую очередь, трём знаменитым античным авторам: Вергилию, Овидию и Горацию, и таким образом, следовали важному принципу ***imitatio***.[14] Подражание могло быть выражено через заимствование темы, формы или лишь нескольких слов из произведений римских поэтов.[15]

Форма и размер стиха могли быть разнообразными: часто использовались гекзаметр и элегический дистих, но и алхеевы и сапфические строфы были также очень популярны. Некоторое время анаграмма является одним из самых излюбленных видов стиха. Этот тип хорошо подходил для эпиграмм. Ниже приводятся анаграммы, где обыгрывается слово ”Нарва”, которое у шведов стало синонимом победы и удачи. Нарва представлена через анаграмму Варна, так как в 1444 году там были разбиты войска польско-венгерского короля Владислава, объявившему войну Турции. (Подробнее об этом см. в комментарии к эпиграмме Рённоу ***Epigramma in Czarum Moscoviae***).

Юхан Бергенхильм: Narva per anagramma Varna, 1700

Nomina foedifragis fatalia bina notantur:
Varna quidem antiquo tempore, Narva novo.
Hungare, ut Varnam perjuria foeda luisti;
Ad Narvam prorsus sic tua, Mosce, luis.

Нарва через анаграмму Варна, 1700

Два имени роковых, преступных у всех на устах:
Варна — с давних времён, а отныне и Нарва с ней вместе.
Варна, венгр, тебе стала расплатой за ложные клятвы.
Ты же, русак, расплатись не меньшей ценой, лишь под Нарвой.

Улоф Хермелин: Aliter

1 Varna Iagellonidi Mosco sed Narva tyranno
Nomine fatali cladis origo fuit.
Par in utroque scelus: divos contemsit uterque
Et modo iuratam rupit uterque fidem.
5 Exitus haud dispar: ferro cadit ille cruento,
Evadit celeri turpius iste fuga.
At qui funeribus potuit superesse suorum,
Innumeras patitur verius iste neces.

(Анаграмма) По-другому

1 Варна Ягелониду[16], а Нарва — тирану Москвы,
Стала началом беды из-за имени рокового.
Преступное оба свершили: богов презрели они
И нарушили клятву, которую только что дали.
5 Исход не так уж различен: первый пал от меча, покрытого кровью;
Второй же с бóльшим позором спасся бегством стремительным с поля.
Но тому, кто смог пережить потерю своих,
Ещё боле по праву снести кровопролитья, которым нет счёта.

Есть много интересных примеров хронограмм, хроностиков и акростиков. За примерами можно обратиться к вышеупомянутой книге Хеландра.

2.2. Шведские новолатинские поэты: литературные портреты некоторых из них

Поэзия времён великодержавия Швеции (1620—1718 гг.) во многом определялась нуждами государственной верхушки. Стихи писались на заказ. Заказчиком были либо представители королевского двора, либо персоны с высоким социальным статусом, как правило, из академической или церковной среды. Поэты, которые получали такие заказы, принадлежали также верхним слоям общества. Эти люди невероятной эрудиции и хорошего образования, часто приобретённого в нескольких университетах Швеции и других стран Европы, имели многолетний опыт слагать стихи по-латыни. Ещё в школе они тренировались в латинском стихосложении, а в университетские годы эти навыки отшлифовывались. Преподавание поэтике с её идеалом в лице Горация стимулировало студентов в этом. Таким образом, академический мир изобиловал потенциальными поэтами, способными создавать вирши по запросу со стороны государства.

Ниже следует минигаллерея литературных портретов одних из самых ярких шведских новолатинских поэтов (Стихи двоих из них поцитированы выше). Цель этих кратких биографий помочь создать более чёткое представление о том, кто профессионально занимался латинским стихосложением в Швеции конца XVII-го — начала XVIII-го века.

Улоф Хермелин (1658—1709?г.г., урождённый Нильссон) является одним из самых известных имён среди шведских новолатинских стихотворцев.[17] Улоф Нильссон был выходцем из благополучной семьи. Отец поэта, занимавший пост городского советника, а со временем бургомистра, имел стабильные доходы. Экономическая ситуация семьи была гарантом университетского образования Улофа Нильссона. Нильссон начал свой академический путь в Упсале. Преподаватели положительно отзывались о достижениях своего ученика и отмечали многосторонность его интересов и знаний. В течение многих лет Хермелин шёл по тропе академика и вскоре получил должность *Professor eloquentiae et poëseos*, профессора красноречия и поэзии, в Дорптском университете. Позже он сменил её на должность профессора юриспруденции. Но после многолетней работы в Дорпте Улоф Хермелин получил предложение стать королевским историографом, вместе с чем молодой учёный покинул университетский мир. В 1700 году, когда Швеция была вынуждена вступить в Северную войну, Хермелину официально было поручено писать пропагандические вирши на врагов, в первую очередь на Петра I-го и польского Августа II-го. Благодаря этим стихам имя Хермелина стало известно за границей. Вскоре поэт был назначен на пост секретаря королевской полевой канцелярии. Это подразумевало, что Хермелин должен был следовать за королём и шведской армией в их походах и вести полевую документацию. Но даже в годы работы секретарём он был плодотворен как поэт. Улоф Хермелин был свидетелем битвы при Полтаве, но как сложилась его дальнейшая судьба никому не известно: после Полтавского сражения поэт бесследно исчез. Существует версия, что памфлетист был взят в плен и приведён к Петру, который в гневе зарубил стихотворца мечём.

Новолатинский поэт оставил после себя значительное количество пропаганды в стихах. Тематика его стиха определялась проблемами времени. Большей частью, мы находим у Хермелина панегирики Карлу XII-му и колкие эпиграммы на неприятелей шведов. Для русского читателя особый интерес составляют стихи о России, русских и Петре I-ом. В 1700-ом году было издано анонимное собрание коротких эпиграмм под общим названием ***”Narva Moscorum clade***

nobilitata” (***”Нарва, прославленная поражением русских”***), куда входят приведённые нами раньше анаграммы. Хермелину приписываются три из шести эпиграмм коллекции. Более крупное произведение, созданное Улофом Хермелином, является прозаическим памфлетом. Оно носит название ***”Discussio criminationum, quibus usus est Moscorum Czarus, cum bello Svecis, contra jusjurandum, et nuperrime datam fidem, illato praetextum quaereret” (”Обсуждение преступлений, к которым прибёг царь русских, когда он искал предлог для объявления войны шведам, противореча клятве и недавно объявленной верности”)***, и Пётр Великий портретируется в нём как вероломный и своевольный монарх.

За свою верную службу королю и государству поэт был посвящён в дворяне, в связи с чем он и получил новую фамилию Хермелин. Путь в дворянство очень часто шёл через поэтическую карьеру, которая приносила и известность и славу.[18]

Следующий поэт посвятил всю свою жизнь академическим занятиям. **Андреас Стобайус** (1642—1714 гг.) родился в семье священника. Ещё будучи ребёнком, он был послан в школу в Копенгаген. Через несколько лет он вернулся в Швецию и после окончания школы в городе Кришанстад Стобайус отправился в Грайфсвальд, куда переезжали на учёбу многие шведы. Из-за недостатка денег Стобайус был вынужден вернуться домой. Но со временем он смог защитить диссертацию в Лундском университете, и после этого профессиональная карьера Андреаса Стобайуса складывалась гармонично. В Лунде он занял должность профессора поэзии, а позднее и истории. Два года спустя после этого назначения он стал также куратором библиотеки университета.

Параллельно с педагогической и научной работой Стобайус сочинял по-латыни. Как правило, его латинские стихи писались для университетской среды. Они могли касаться защиты диссертаций, программ празднований различных событий при университете. Кроме этого Стобайус создавал панегирические произведения, прославляющие двор, и *”orationes”*, речи, на победы шведской армии. В феврале 1701-го года на праздновании виктории под Нарвой, организованным Лундским университетом, Андреас Стобайус прочёл свою поэму ***”Narva”***.[19] Русский царь предстаёт в этих стихах как помощник кровожадной фурии Тисифоны. Античные и христианские персонажи участвуют в развитии событий наряду с историческими личностями. Кроме этого феномена в произведении присутствуют и другие характерные для барокко черты, в первую очередь, помпезность языка и стремление автора достичь эффекта ***admiratio***.[20]

Юхан Бергенхильм (1629—1704), как и многие другие поэты, что отмечалось выше, стал дворянином после многих лет службы государству. Бергенхильм был изначально профессором истории в Упсале, но позже посвятил себя политике. Два раза он занимал должность придворного канцлера и в 1699 году он был послан в Россию в качестве посла. Дипломатическая карьера Бергенхильма не мешала бывшему преподавателю университета развивать свои поэтические данные. Самое известное из его произведений описывает начало Северной войны. Пьеса носит название ***”Cento Satyricus in Hodiernos Motus Septentrionis”*** (***”Сатирическое кенто***[21] ***на беспокойства сегодняшнего дня в Северных странах”***). При помощи цитат из римских писателей и поэтов Бергенхильм вырисовывает портреты главных врагов Швеции, а именно России, Дании и Саксонии-Польши. Ханс Айли в своей статье об истории шведской новолатыни отмечает удачную аранжировку цитат, что должно было быть очень развлекательным моментом для эрудированного читателя того времени.[22]

За информацией о других известных новолатинских поэтах Швеции начала XVIII-го века можно обратиться к работе того же Айли. Он приводит длинный список всех крупных скальдов этого периода.[23]

3. Магнус Рённоу (1665?—1735)[24]

3.1. Биография поэта

Магнус Рённоу является одним из самых талантливых шведских поэтов, писавших на латинском. Талант Рённоу отмечался многими исследователями нашего времени, но пока ещё никто не предпринимл издание его стихов.[25]

Рённоу родился в Скании, на юге Швеции. Могенс Додблар Юхансен, дедушка поэта по стороне отца, был шотландским переселенцем. Переехав в Скандинавию, он поселился в местечке Роннебю, тогда принадлежавшем Дании. В Роннебю Могенс Добблар Юхансен стал представителем городского совета. От имени местечка семья иммигранта и получила свою новую фамилию. Имя Добблар, или Дубляр, долго не использовалось, но было возвращено поэту при посвящении его в дворяне.

Отец скальда Кастен Рённоу Моннсон (1638—1692) был священником в городе Охус. После долгих лет в Охусе он получил пост священника в Ёребро, а короткое время спустя перемещён в Лунд. Родом из Скании, которая постоянно страдала от военных конфликтов между Данией и Швецией, Кастен Рённоу всегда оставался верен шведскому королю. Магнус Рённоу в одном из своих стихов рассказывает

о важном для него событии, напрямую связывающего его семью с Карлом XI-ым. Поэт утверждает, что король Карл останавливался в доме его отца[26].

Рённоу учился в университетах Лунда и Упсалы и за свои успехи был награждён королевской стипендией. В 1684 г. он отправился на учёбу в Германию, но занятия, которым Рённоу посвятил своё время, не совпадали с желаниями отца. Магнус Рённоу увлёкся ивритом, комментариями к талмуду и латинским стихосложением, тогда как Кастен Рённоу надеялся, что сын выберет духовную карьеру. По возвращению домой в 1687 г. поэт продожал концентрироваться на занятиях ивритом. Через два года он опять покинул страну: Рённоу младший отправился в Голландию, где основное время было посвящено работе над комментариями к талмуду.

В 1691 г. приехав в Стокгольм, поэт долго не мог найти работу и несмотря на то, что он уже тогда был известным специалистом по иврита, ему пришлось содержать себя частными уроками. Позднее Рённоу написал письмо по-латыни английскому епископу по имени Вильям, в котором он предложил перевести весь талмуд с условием, что епископ обеспечит его содержание в течение одного года.[27] Поэту пришёл отказ.

С 1695 г. Рённоу было дано разрешение работать государственным переводчиком, а в 1714 г. — секретарём протоколов. В 1719 г. он получил должность в Архиве Древностей (Antikvitetsarkivet). Стремление сочинять по-латыни и заниматься талмудом оставалось основным интересом Рённоу, независимо от того, какие посты он занимал.

Поэт умер в Англии, оставив после себя значительное количество латинских стихов. Епископ Улоф Кельсиус сочинил эпитафию на смерть Рённоу, где шведский скальд сравнивается с греческим поэтом Пиндаром.

Hic situs est Lyrica quondam divinus i arte
Rönnovius, Gothici Pindarus ille soli.
Qui Caroli cunas coluit, sonuitque trimphos,
Aut hac aut nulla facta canenda chely.
Edidit hunc Arctos, cineres tegit Anglica tellus:
Sic patriae Rönnov gignit utrique decus.

Здесь покоится Рённоу, что равен был богу когда-то в искусстве стиха,
Наш Пиндар готской земли.
Он писал о юности Карла, воспевал победы его.
Никакой другой лирой — лишь этой — должно петься о крупных событьях.
Север его породил, но английская почва пепел покрыла:
Таким образом оба отечества Рённоу почтил.

3.2. Магнус Рённоу в скандинавских собраниях

На сегодняшний день известно около 170 стихов, написанных Магнусом Рённоу. Самое крупное собрание произведений Рённоу хранятся в библиотеке г. Линчёпинга (Stifts- och Landsbibliotek, Linköping) и являются частью коллекции Самуеля Эльфа. Стихи и некоторые письма Рённоу, а также письма, адресованные поэту, представлены в нескольких томах коллекции, но большинство из них сосредоточено в отдельном томе, куда Эльф попытался поместить все известные ему произведения Рённоу и его корреспонденцию. Титульный лист данного тома гласит: *”Carmina Magni Rönnow, autographa et impressa typis, quotquot reperiri potuerunt a collectore Sam. Älf”* (*”Произведения Магнуса Рённоу, написанные от руки и напечатанные, все которые могли быть обнаружены коллекционером Самуелем Эльфом”*). Копии, большей частью, сделаны Эльфом, но в том входят несколько листов со стихами, которые, по словам, коллекционера, принадлежат руке самого поэта. Стихи Рённоу, входящие в другие тома Эльфа, являются, как правило, дублетами. Только в нескольких случаях строки Рённоу представлены за пределами главного тома и являются их единственым вариантом. Тоже касается и других крупных библиотек Швеции и других скандинавских стран: Рённоу представлен в дублетах в Королевской библиотеке Стокгольма, в библиотеке университета Уппсалы, в библиотеке университета Лунда, в Королевской библиотеке Копенгагена. Некоторые произведения Рённоу могут храниться в более мелких собраниях, так например, два из них представлены в библиотеке замка Скуклостер.[28]

3.3. Поэзия Магнуса Рённоу

Основная ”продукция” Рённоу приходится на годы 1702—1719, то есть стокгольмский период. Поэзия новолатинского скальда является классическим примером поэзии на случай. Рённоу очень широк в рамках жанра, однако очевидно, что панегирик и эпиграмма — фавориты поэта.

Северная война (1700—1721) очень сильно повлияла на тематику стихов Магнуса Рённоу, точнее сказать, она и наполняет содержание его поэзии; даже в тех стихах, которые напрямую не связаны с ней, слышится её эхо. При военных триумфах и других политических достижениях поэт восхвалял в стихотворной форме Карла XII-го и его окружение. Полководцы получали здесь особенно большой форум. При малейшем фиаско шведов Рённоу обруши-

вался на неприятеля. Иногда выпадки поэта были откровенно националистическими, тогда как не только эпиграммы содержали колкости по отношению к вражеским государствам, но даже хвалебные вирши Карлу могли порой рассматриваться другими народами как провокационные. Лучшей иллюстрацией этого является история стихотворения Рённоу ***”Hercules genuinus Magnae Scandinaviae”*** (***”Истинный Геркулес Великой Скандинавии”***), которое уже своим названием провоцировало на конфликт: поэт титулует Карла XII-го правителем не только Швеции, но и всей Скандинавии. При объявлении войны Швеции датчане привели четыре причины. Стихи Рённоу стоят в датском документе в качестве причины номер два и рассматриваются как крайне дерзкие.[29] Позже эти причины были высмеяны шведом Самуэлем Барк.[30]

Стиль Рённоу типично барочный. Стихи созданы для визуального восприятия: сильные метафоры, яркие эпитеты, постоянное движение.

Античные идеалы, безусловно, повлияли на искусство Магнуса Рённоу. Влияние классики сказывается, в первую очередь, на языке каролинского автора: порой мы видим в его строках тонкие намёки на римских поэтов, а иногда почти прямые цититы из них. С другой стороны, современные имена и титулы латинизируются.

Большая часть стихов Рённоу является классическим продуктом своего времени: характер заказного творчества наличиствует во многих из них. Однако некоторые произведения носят отпечатки личностного восприятия мира поэтом. В некоторых стихах Рённоу осмеливается даже давать смелые политические советы Карлу XII-ому. Порой произведения Магнуса Рённоу позволяют увидеть исторических персонажей и события в новом свете, например короля Карла. Определённые строки, несмотря на свой пропагандический настрой, просвещают нас о специфических чертах короля, иногда не с самой благоприятной стороны. В ***”In dissectam effigiem Carolinam operis Kraftiaci”*** (***”На испорченный каролинский портрет руки Крафта”***) рассказыается о судьбе портрета монарха, выполненного придворным художником Давидом фон Крафтом. Карл при виде полотна был охвачен гневом и пронзил картину кистью. Король счёл, что его внешность была сильно приукрашена, и это никоим образом не совпадало с требованиями, представляемые властителем к искусству, а именно стремление к правдоподобию и простоте. Этот сюжет известен и из других источников, но с некоторыми отличиями, которые намного хуже комлектируют общий образ шведского короля нежели слова Рённоу.

Поэзия Магнуса Рённоу иллюстрируется четырьмя эпиграммами, напрямую связанными с Россией. Латинский текст сопровождается русским переводом вместе с кратким историческим и лингвистическим комментарием.

4. Четыре эпиграммы Рённоу на Россию с переводом и кратким комментарием[31]

4.1. Epigramma in czarum Moscoviae[32]

Czarus, Moscua cui subest tyranno
Quum bello petit obsidere Narvam,
Deponit veterem, novique sumit
Vestitus habitum, modo Hungarorum.
Non fausto omine: quippe Narva, versa Ei
In Varnam, documenta certa praebet,
Semper perfidiam esse luctuosam,
Autorique suo exitus acerbos,
Et longe miseras parare clades.
Si fraudare datam fidem quis optat,
Varnam cogitet is bene, atque Narvam.

Эпиграмма на царя Московии

Царь, что тиранит в Москве,
В планах военных своих Нарву осадить стремится,
В сторону отложив старый обычай, к новому он обращается —
к тактике венгров.
Не к добру все эти приметы,
Ведь Нарва, ставшая Варной царю, есть хороший пример:
Вероломство беду означает всегда,
Для виновника — жёсткий конец
И нить горестных поражений.
Если клятву кто дал, но преступил,
Пусть о Варне он вспомнит ни раз, а также о Нарве.

Эпиграмма издана вместе с одой Рённоу, посвящённой освобождению шведами Нарвы.[33] Таким образом, она приводится после помпезных строк на алхеевом стихе о шведской ”virtus” (доблести). Размер эпиграммы одиннацатисложник, часто используемый Катуллом. Темп языка быстрый, что удачно передаёт актуальность ситуации. Эпиграмма есть прямое тематическое продолжение оды, но с иным пафосом. Здесь представлено уже не описание битвы, а причины по-

ражения Петра. Автор внезапно переносит нас своими сравнениями на два споловиной столетия назад и напоминает о другом сражении, которое состоялось в 1444 году при Варне. Владислав III-ий, польский король, одновременно и Владислав I-ый Венгрии, потерпел поражение у побережья Чёрного моря в битве с турками, которые сочли нападение поляка предательским поступком. Толкование поведения соперника зеркально переносится на толкование действий русского монарха. Варна и Нарва становятся невероятно удачной анаграммой. Но этим почва тем и аллюзий не исчерпана. Две другие яркие параллели прорисовываются в рённовских стихах. Владислав рассматривался вероломным правителем Польши, что также хорошо подходило для передачи образа Августа II-го, одного из главных противников Карла. Здесь же чувствуется и заискивание шведов перед турецким султаном, словно симпатия по отношению к новому союзнику существовала изначально.[34]

Анаграмма есть типичный пример так называемого ***eruditio***: поэт пытается показать свои знания истории и современной политики.

4.2. In Petersburgum a Russis in Jenesar, latine Leporum insula, anno 1703 conditum[35]

1 Dum locus a Russis condendae quaeritur urbi,
Quae nunc a Mosco principe nomen habet.
Haec leporum sedes illis tutussima visa est,
Semper ubi pavidae delituere ferae.
5 Nec mirum latebram cautis placuisse Ruthenis,
Egit enim lepores in loca tuta metus.
Ergo Petersburgum melius Leporopolis audit,
Hanc Leporina colat, sive Ruthena, cohors.

На Петербург, основанный на острове Йенесар, по-латыни ”Leporum insula”, в 1703 году

1 Русские место нашли, чтоб город там заложить,
Что имя должен нести императора из Москвы.
Обитель эта зайчачья для них надёжней всего:
Трусливый зверюга всегда таится в этих краях.
5 Дива тут нет, что ему, русскому, в его страхе здесь так уютно,
Ведь зайцы стремятся всегда в защиту, покой.
Так что не Петербург, а Лепорополис городу имя,
Раз зайчачина там обитает, одним словом, русачина, то есть.

Возникновение Петербурга напрямую связано с историей русско-шведских отношений: город был заложен на территории, некогда принадлежавшей Швеции, с намерением защитить северо-западную границу России от той же Швеции. В 1702 году русским удалось занять шведский Нётебург (Орешек), а в 1703 завладеть Нюескансом (Ниешканц), что находился в месте слияния Невы и Охты. 16 мая 1703 года Пётр I-ый начал строительство крепости на Заячьем острове, что открыло для него новые перспективы, как экономические, так и военные. Эпиграмма на элегическом дистихе затрагивает именно этот исторический момент зарождения будущей столицы государства Российского. Поэт упорно настаивает на том, что русские во главе с Петром искали место прибежища у Финского залива, тогда как в действительности ими создавалось стратегическое укрепление на случай нападений северного врага. В названии произведения Заячий остров обозначается своим финским именем Йенисари (финск. *jänis* — заяц). Магнус Рённоу либо латинизирует это имя, либо пишет его так, как оно слышалось для шведов, а затем даёт его прямой перевод на латынь — *Leporum insula* (”остров зайцев”). В последней строке эпиграммы автор стихов обыгрывает латинское *Leporina* (”зайчачий”) для колкой ассоциации.

Русские выступают в эпиграмме под тремя именами: *Russi*, *Rutheni* и *Ruthena cohors*. *Russi* — нейтральное название.[36] *Rutheni* можно перевести тоже как русские, а *Ruthena cohors* — толпа русских. Насмешки стихов направлены против русских как нации, против Петербурга и его основателя Петра. Во многих других произведениях Магнус Рённоу использует слова *Mosci* и *Moscovitae* для титулования враждебного народа.[37]

4.3. In ostentationem Muscovitam ob praelium Pultavense d. 27 Junii 1709 commissum[38]

Desine, Russe, tuos temere jactare triumphos,
Quod videas turmis te superesse tuis.
Qui nisi sis decuplo major, valloque praealto,
Undique munitus, praelia nulla subis.
Miraris Sveonum detritas esse cohortes,
Nec prorsus turmas interiisse tuas.
Svecicus en! miles, nullo munimine tectus,
Conferit intrepide cum legione manus.
Si tibi quam iactas, peperit Pultavia palmam,
Illa tibi sane palma cruenta fuit.
Vicisti Sveones, sed non sine clade tuorum,

Quamtumvis illam dissimulare volis.
Nam super ingentes Russanae stragis acervos
Defessi tandem procubuere Gothi.
Non minus ut multi tibi nunc ex strage supersunt,
Sic quoque, qui sternant hos, superesse scias.

На хвастовство русских о сражении Полтавском
27 июня 1709 года

О рус, перестань кичиться триумфами, ведь нет тому оснований,
И сам ты свидетель тому, что ты пережил свои войска.
Если бы ты не превосходил валом высоким, со всех сторон защищённый,
В сражение ты бы не вышел.
В восхищенье тебе, что когорты шведов разбиты,
А твои полчища гибели вовсе не потерпели.
Глянь же на шведа! Солдат не прикрытый ничем,
В рукопашную бьётся с легионом неустрашимо.
Пусть ты и хвалишься победой, что Полтава тебе подарила,
Стоила эта победа крови на деле тебе.
Шведа ты победил, но не без потери своих,
Как не скрывай ты того.
Ведь над выокими грудами тел руссаков шведы лежат,
Распростёрши усталые члены.
Знай также, что теперь из груды в живых столько твоих,
Сколько и тех, что их покрывают.

Здесь, опять же на элегическом дистихе, описывается поражение шведов в Полтавской битве, которая стала отсчётным пунктом краха "империи" Карла XII-го. Шведский враг изображается как заносчивый хвастун. Но то, что являлось правдой пропагандистского стиха было большое количество погибших русских: из 10 000 убитых на поле сражения 3 000 тел принадлежали русским, что являлось большой цифрой при оценке ситуации. Шведская армия представляла из себя 10 батальонов истощённых солдат, отрезанных от всех средств сообщения с родиной. Даже сама операция по нападению на русского была проведена неудачно: швед был обнаружен при восходе солнца и русские быстро смогли прореагировать. 42 батальона Петра имели возможность понести ещё меньше потерь при правильном использовании ресурсов. Но факт виктории оставался фактом, как и 10 000 тел, гниющих под украинским солнцем в середине лета. Шведский историк Петер Енглунд, специально посетивший Полтаву для того, чтобы лучше представить себе исторические действия, разыгравшиеся там 28 июня 1709 года, ссылается на заметки путешественников, побы-

вавших в тех же местах до него и констатирующих наличие белеющих костей на бывшем поле битве.[39]

В 14-ой строке мы всречаем идею о шведах-готах. Слово *Gothi* создаёт нужные автору ассоциации о славном происхождении его народа и вместе с тем придаёт помпезность заключительной части стихотворения.[40]

4.4. In Russorum festivitatem Berlini d. 2 Septembris anno 1709 fatali igne missili celebratam[41]

Russus ut Hercynias plausu perfunderet urbes,
Lemniaco solvit flammea vota Deo.
Causam quis nescit? Quasi res sit mira, catervis
Innumeris tenuem succubuisse manum.
Sed cum Berlini vibrantes ad aethera surgit
Ignis et in rivo Russica flamma salit:
Flammivomos populus spectat de pontibus ignes,
Sulphureis oculos exsatiatque jocis.
Hocce videns tollit telum Neptunus aduncum,
Atque Spreae trifida cuspide volvit aquas.
"Non decet," inquit atrox, "Russorum applaudere taedis,
Taedae Russorum non sine caede micant.
Nam quoties horum facibus Livonia fulsit,
Hauserunt diri funera multa rogi.
Ergo meas Russus si miscuit ignibus undas,
Fletibus exstinguam, quas ferus urit, aquas."
Mox quoque subducit fragilis fulcimina ponti,
Et spectatores illico mergit aquis.
Tristia dum subito post jubila nubila surgunt,
In fletus laetus solvitur ille jocus.
Hinc omen capiat Russus, nec plaudere pergat,
Sed sua mature fata futura fleat.

На празднество русских, отмеченное в Берлине второго сентября 1709-го года смертоносным фейерверком

Как только русский заполнил германские грады своим рукоплесканьем,
Дал он горячие клятвы богу Вулкану.
Кому не известна причина? Будто диво тут есть, что отряд небольшой
Не в силах был устоять пред бесчисленными вражескими толпами.
Но когда в Берлине блестящие искры в небо взносились
И в реке русское пламя скакало,
Жадно глядел народ на фейерверки с мостов городских
И насыщал свои очи забавой из серы.

Это увидел Нептун и поднял своё копьё с крюковидным концом
И вместе с тем трезубцем своим воды Шпреи взмутил.
Грозно он заявил: ”Не пристойно хлопать в ладоши факелам русских.
Факелы русских искрятся, но не без пролитой крови.
Ведь каждый раз, когда Ливония от огней их загоралась,
Тела за телами в зловещих кострах исчезали.
Итак, раз русский пламенем волны наполнил мои,
Затушу я слезами ту воду, что дикарь высушает.”
В след за этим убрал он подпоры моста, который был шаток,
И погрузил тотчас публику в реку.
Тучи печали внезапно нашли вместо празднеств,
В плач забава с печальным концом разрешилась.
Да будь же это знаком от бога для русских, концом его рукоплесканий,
Теперь ему время пришло скорбить о роке своём.

Размер стиха тот же, что и в двух предыдущих. Тема — празднование Полтавской победы русскими в Берлине, которое вероятно, было не так драматично в реальности, как поэт представляет это читателю.

Здесь можно определить несколько интересных сносок на античность. Тема божественного вмешательства есть античный стихотворный момент. Но сама идея кары имеет одновременно и христианский характер: высокомерие по отношению к высшей силе должно понести наказание. Сам сюжет напоминает, в некоторой мере, миф, рассказанный Овидием в 11-ой книге Метаморфоз, где неблагодарность и высокомерие царя Лаомедонта становятся причиной его наказания. Посейдон и Аполлон помогли царю возвести крепкие стены Трои, но не получили обещанного вознаграждения. В знак гнева Посейдон направил на Трою шторм.

Другая ассоциация с римской поэзией вызвана самой первой строкой стихотворения:

Russus, ut Hercynias plausu perfunderet urbes. У Вергилия города наполняются быстрыми слухами. Сравни начало описания распространения сплетен о любви Энея и Дидоны: *Extemplo Libyae magnas it Fama per urbes* (*Aen*. 4, 175). Нам же достаточно одной этой строки, чтоы вспомнить вергилеевскую молву подобной страшному чудовищу с большим количеством глаз, языков и ушей. Смысл сноски таков — русский тоже чудовище, идущее по городам.

В заключение, Рённоу опять блистает своим ***eruditio*** и в области мифологии древнего мира (обрати внимание также на строку два, где упомянут бог с Лемноса, т.е. Вулкан), и в географии современного (в 10-ой строке названа река, на которой расположен Берлин).

Заключение

В рамках статьи была сделана попытка проиллюстрировать одни из особенностей новолатинских стихотворений, написанных в Швеции во время Северной войны. Это было произведено, в первую очередь, на примере нескольких стихов Магнуса Рённоу, чья поэзия удачно позволяет провести такой анализ. Этими типичными чертами являются так называемые ***imitatio*** и ***eruditio***, **сочетание античного и христианского**, а также распространённая тогда идея **Готицизма**.

Библиография

Источники на русском языке

1. *Либуркин, Д.Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории: XVII — первая половина XVIII века. М.: Российск. гос. ун-т, 2000.

Источники на иностранных языках

1. Aili (1) = Aili, H., ”Sweden” (In: *A History of Nordic Neo-Latin Literature*. Ed. by Minna Skafte-Jensen, pp. 129—158).

2. Aili (2) = Aili, H., ”Poetisk propaganda. Svensk latindiktning från Det stora nordiska kriget” (статья в рукописном варианте).

3. Bark, S., *Thet Danska Manifestets orimlighet och ofog efter höga wederbörandes befalning framwijst.* Stockholm 1710.

4. Bergh, B. *Heliga Birgitta: Åttabarnsmor och profet*. Riga 2002.

5. Berggren, M., *Andreas Stobaeus. Two Panegyrics in Verse. Edited, with introduction, translation and commentary by Maria Berggren.* Uppsala 1994. (Acta Universitatis

6. Upsaliensis. Studia Latina Upsaliensia 22.)

7. Englund, P., *Förflutenhetens landskap. Historiska essäer*. Stockholm 1991.

8. Gejrot C. & Ström A., *Poems for the Occasion. Three Essays on Neo-Latin Poetry from*

9. *Seventeenth Century Sweden*. Stockholm 1999. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Latina Stockholmiensia 44.)

10. Helander, H., *Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720: Stylistics, Vocabulary and Characteristic ideas.* Uppsala 2004. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Latina Upsaliensia 29.)

11. Hermelin, O., *Discussio criminationum, quibus usus est Moscorum Czarus, cum bello Svecis, contra jusjurandum, et nuperrime datam fidem, illato praetextum quaereret.* 1700 Stockholm.

12. Johannesson, K. *I polstjärnans tecken. Studier i svensk barock*. Uppsala 1968. (Lychnos-bibliotek, 24).

13. Kajanto, I., *Humanism in a Christian Society. I. The attitude to Classical Mythology and*

14. *Religion in Finland 1640—1713* (*Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, Ser. B, tom. 254). Helsinki 1989.

15. *Manifest eller en Summariske Forklaring over de retmaessige og hoj-viktige Aarsager som har beveget og saasom tvunget Hans Kongel. Majest. till Danmark og Norge etc. etc. sine Riger och Lande imod Kongens af Sverrig mangfoldige Tiid efter: anden tvert imod Tractaterne forovede, og herefter befrygtelige Voldsomheder og Forureeelser at beskiærme, og med de i alle Folkes Ræt tilladelige Midler, næst de hojestes Bistand, at sætte i tilstreckelig Sikkerhed*, Stockholm 1710.

16. Olsson, S., *Olof Hermelin. En karolinsk kulturpersonlighet och statsman*. Lund 1953.

17. Ström, A., *Lachrymae Catharinae: Five Collections of Funeral Poetry from 1628. Edited with Studeis on the Theoretical Background and the Social Context of the Genre* (Studia Latina Stockholmiensia Stockholm 38). Stockholm 1994.

18. Tengström., E., *Latinet i Sverige. En kulturhistorisk översikt*. Lund 1973.

Рукописные источники

W25:XV, Linköpings Stadsbibliotek
Palmskiöldka samlingen, UUB, Uppsala

Примечания

[1] Либуркин, с. 7.

[2] Tengström, p. 10, Aili (1), p. 129.

[3] Некоторые шведские средневековые тексты по-латыни оказали большое влияние на культурно-религиозную атмосферу в других регионах Европы, в определённых случаях даже на бытовую сферу. В обоих случаях я имею в виду, в первую очередь, *”Видения”* Святой Биргитты, шведки, которая в 1391-ом году, 18 лет после своей смерти, была признана святой, а в 1999 была объявлена святой покровительницой Европы. Подробнее об этом смотри в книге ”Heliga Birgitta: Åttabarnsmor och profet” Биргера Берга (Рига 2002).

[4] Tengström, pp. 56—57.

[5] В 1630-ые годы было создано произведение под названием *”Thet swenska språketz klagemål”* (*”Жалоба шведского языка”*), где шведский язык высказывается о своей несправедливой судьбе и что он вынужден уступать место латинскому и другим иностранным языкам. В стихах требуется введение преподавания шведского в школах и университетах. См. Tengrström, pp. 53—54.

[6] Johannesson, p. 13.

[7] Более подробно об Эльфе смотри ниже в разделе о Рённоу в скандинавских собраниях.

[8] Смотри, например, издания Берггрен, Стрём и Гейрота со Стрём (Berggren, M., Ström, A., Gejrot & Ström).

[9] Ström, p. 35.

[10] Этот интересный феномен сносок на римских божеств и христианского бога в рамках одного и того же стиха обсуждается подробно Иро Кайанто. См. Kajanto, 1989, pp. 34—37.

[11] Helander, pp. 398 ff. Здесь следует отметить, что в XIX-ом веке эта идея была подхвачена новым движением Гётицизм. Именно по этой причине многие шведские учёные сегодняшнего дня используют два разных термина, Готицизм и Гётицизм, чтобы обозначить два периода развития идеи.

[12] Berggren, pp. 26—28.

[13] Ström, p. 38.

[14] Berggren, pp. 28 ff.

[15] Стобайус, например, посредством своей поэмы ”Нарва” стремился создать эпос в стиле вергилеевской ” Энеиды ”. См. Berggren, pp. 28—32.

[16] Т.е. поляку.

[17] Данные о биографии Хермелина взяты из книги Свена Ульссона ”Olof Hermelin. En karolinsk kulturpersonlighet och statsman” (Lund 1953).

[18] Aili (1), p. 140.

[19] Современное издание этой поэмы вышло в 1995-ом году: M. Berggren, *Andreas Stobaeus, Two Panegyrics in Verse. Edited with introduction, translation and commentary*.

[20] В своей диссертации ”I polstjärnans tecken” (”Под знаком Полярной звезды”) Курт Юханнессон исследует стиль новолатинских поэтов Швеции затрагиваемого нами периода и отмечает, что поэзия Стобайуса очень зависима от идеала *admiratio*.

[21] Кенто (лат. *cento*) — попурри в стихах.

[22] Aili (1), p. 150.

[23] Ib., p. 149.

[24] Биографические данные взяты из *Magnus Rönnou Dublars Lefwerne* (*Жизнеописание Магнуса Рённоу*) в W25:XV.

[25] Таковое готовится автором данной статьи.

[26] *Ad augustissimum Sveonum et Gothorum regem Carolum XII*, W25:XV (*Августейшему королю свеев и готов Карлу XII-му*).

[27] Копии письма Магнуса Рённоу хранятся в библиотеке г. Линчёпига.

[28] Оба эти произведения представлены и в крупных библиотеках Швеции.

[29] *Manifest eller en Summariske Forklaring over de retmaessige og hoj-viktige Aarsager som har beveget og saasom tvunget Hans Kongel. Majest. till Danmark og Norge etc. etc. sine Riger och Lande imod Kongens af Sverrig mangfoldige Tiid efter: anden tvert imod Tractaterne forovede, og herefter befrygtelige Voldsomheder og Forureeelser at beskiærme, og med de i alle Folkes Ræt tilladelige Midler, næst de hojestes Bistand, at sætte i tilstreckelig Sikkerhed*.

[30] Samuel Bark, *The Danska Manifestets orimlighet och ofog efter höga wederbörandes befalning framwist*.

[31] Типографические особенности латинских изданий начала XIII-ого времени сохранены. Все переводы с латинского на русский, представленные здесь, принадлежат автору статьи.

[32] W25:XV.

[33] Ода носит следущее название *”Ode ad urbem Narvam postquam a gravi Moscovitarum obsidione liberata fuit per victoriam mirifice gloriosam serenissimi ac potentissimi principis Sveorum Gothorumque regis Caroli XIImi de numeroso cum omni re militari optime instructo tum magnis operibus munitionibusque septo Moscovitarum exercitu ipse cum dei auxilio parva suorum manu stipatus plene perfecteque reportavit totis castris cum omni apparatu bellico in potestatem suam redactis die Martis quae fuit 20/30 mensis Novembris anni MDCC”*.

[34] Aili (2), p. 5.

[35] Только в рукописном варианте в W25:XV.

[36] Helander, pp. 272—273.

[37] Смотри выше сноску с названием оды на победу шведов под Нарвой.

[38] Только в рукописном варианте в W25:XV.

[39] Englund, p. 75.

[40] Helander, pp. 406—407.

[41] Только в рукописном варианте в W25:XV.